

передали свои княжества в наследие чешским королям. Чуть дальше по тексту (который А. Семкович уже не цитирует) автор прямо говорит, что их прирожденные владельцы все еще остались (*preservant*) в Мазовии (*sic!*), в Цешине, Ополе, Легнице и Олеснице. То есть речь на самом деле шла не о всей Силезии и не только о Силезии, чего Семкович не мог не заметить [5, s. 727]. Выражение надежды на возвращение, столь настойчиво подчеркиваемое польским историком, дословно звучит весьма фаталистично – «*sed non est nostrum scire tempora vel momenta, quae Deus posuit in sua potestate*», то есть практически выражается словами из Деяния Апостолов (гл. 1. 7), которыми Христос отвечает на вопрос учеников – когда восстановит он царство Израильское – «не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти». Как следует понимать эти слова – вопрос спорный. Скорее всего автор Деяния Апостолов, средневековый хронист и польский ученый-позитивист могли понимать их по-разному, но наиболее достоверное толкование – «никогда». Эти слова могли указывать на смирение, тайну и неведение, возможно даже внезапность. Однако следует признать, что даже в устах, погруженного в эсхатологические ожидания средневекового автора, они вряд ли могли свидетельствовать о надежде на скорое свершение чего-либо. Семковичу же удалось увидеть в этом тексте надежду на скорое возвращение территорий под власть Кракова. В интерпретации редактора размышления познанского летописца конца XV – начала XVI века стали приобретать черты свидетельства существования отдельной польско-силезской историософской национальной мысли, составными частями которой было чувство единства и тесной связи двух регионов.

Важно заметить, что всех описанных случаях собственно уровень археографической работы не вызвал никаких нареканий и соответствовал высоким стандартам, своего времени. Происходит, однако, соответствующая маркировка источника как польского, а вариативность понимания текста сужалась. Процесс, который сейчас мы бы назвали «национализацией прошлого», имел далеко идущие последствия. Во-первых, среди польских историков начинает расти уровень заинтересованности в силезских сюжетах. Источники становятся физически доступными и «ментально» своими. Во-вторых, трактовки, поданные редакторами, мгновенно становятся классическими, такими, которые в неизменном виде время от времени можно встретить и у современных авторов.

1. Журба, О. И. «Историографическая экспансия» как инструмент формирования национальной историографии / О. И. Журба // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки» – 2015 – № 8 – С. 140–146.
2. Касьянов, Г. В. Національні історії та сучасна історіографія: виклики й небезпеки при написанні нової історії України / Г. В. Касьянов, О. П. Толочко // Український історичний журнал – 2012 – № 6 – С. 4–24
3. Cetwiński, Marek. Drogi i bezdroża dziejopisarstwa. Olsztyn: Studio AB, 2017. – 456 ss.
4. Malczewska-Pawelec, D. Dialog o Śląsku: o (nie)zmienności obrazu krajiny i jej mieszkańców w polskich syntezach dziejów narodowych epoki zaborów: (studium historiograficzne). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. – 472 ss.
5. Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski. – Т. 3. – Lwów : nakł. Akademii Umiejętności 1878. – 885 ss.

Рокина Г. В.

«МЕСТА ПАМЯТИ» РУССКО-СЛОВАЦКИХ СВЯЗЕЙ В АРХИВАХ И МУЗЕЯХ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

Со времен «мемориального бума» одной из актуальных тем в современном историческом сообществе является проблема соотношения истории и исторической памяти. Впервые она была сформулирована французским теоретиком памяти П. Нора в его концепции «мест памяти» в конце 1990-х годов [6]. С этого времени разделение истории как репрезентации прошлого и памяти как культурной практики, изменчивого и конъюнктурного воображения, было принято большей частью профессиональных историков. Важное место в этой системе занимают архивы и музеи, где сосредотачиваются вещественные источники, подлинные свидетельства прошлого: в архивах – это документы, главным образом письменные источники; в музеях преобладают «вещи», т. е. источники невербальные [8; 11]. Историческая память, и связанная с ней «политика памяти» является важным фактором, оказывающим влияние на формирование идентичности человека, прежде всего национальной.

Особое место «политика памяти» занимает в странах, которые пережили в конце 1980-х гг. переход от социалистической модели управления государством к капиталистической, что также сопровождалось трансформацией идеологической составляющей обществ. После вступления в Европейский союз постсоциалистические государства стали интенсивно разрабатывать собственные подходы политики памяти и расширять ее применение через возникшие Института памяти и формирование соответствующей законодательной базы, в том числе в сфере музейной и архивной политики [10].

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20–09–00279).

К таким государствам относится Словацкая республика, возникшая результате «бархатного развода», произошедший между Чехией и Словакией в 1993 году. В процессе формирования национальной идентичности власти постсоциалистических государств Европы применяют различные методы политики памяти, классификация которых была предложена российским историком А. Миллером: 1) создание специальных институтов для насаждения определенной трактовки прошлого и финансирование идеологизированных исследовательских проектов; 2) манипуляция архивами, сохранение режима секретности; 3) разработка мер контроля за деятельностью историков; 4) вмешательство в содержание учебников и программ преподавания истории; 5) принятие мемориальных законов, закрепляющих единственную трактовку прошлого [5]. По мнению другого российского историка М. Ведерникова, власти Словакии на протяжении последних 30 лет не использовали полностью набор этих методов. Они ограничивали свой инструментарий конкретными мерами, которые служили подспорьем для реализации национальной и исторической политики [2, с. 97]. В формировании национальной идентичности и коллективной памяти самого молодого государства в Европейском союзе важное место занимает интерпретация истории взаимоотношений с теми государствами и народами, которые сыграли решающую роль в историческом прошлом Словакии. К ней относится и история русско-словацких взаимоотношений в XIX-XX веках. В формировании исторической памяти словаков немаловажную роль играет русский/советский фактор. В определенной степени это связано с тем, что именно в Словакии почти два столетия назад впервые в славянском мире была сформулирована теория славянской взаимности, которая, на наш взгляд, оказала значительное воздействие на процесс формирования словацкой нации [7].

В истории Словакии можно выделить несколько этапов развития русско-словацких связей:

- XIX век – оформление теории славянской взаимности, поддержка со стороны России буржуазно-демократической деятельности словацких патриотов, отцов-основателей словацкой нации: Ян Коллар (1793-1852), Людевит Штур (1815-1856), Светозар Гурбан-Ваянский (1847-1916) и возникновение понятия русского панславизма в центральноевропейском общественном мнении;
- 1900-1920-е годы – распространение словацкого толстовства накануне Первой мировой войны; деятельность словацко-русского общества памяти Л. Штура в Москве; участие словаков в чехословацком легионе;
- 1944-1945 – участие Красной армии в Словацком национальном восстании и освобождении Словацкой республики (1939-1945) от фашизма;
- Социалистический этап – после завершения Второй мировой войны до событий 1968 года, когда Словакия входила в составе ЧССР в «социалистический лагерь». «С Советским Союзом на вечные времена» – официальный лозунг социалистической Словакии, который сохранялся и после событий 1968 года.

На каждом из этих этапов, пользуясь терминологией П. Нора, власти Словакии (в том числе и в составе ЧССР) конструировали т.н. «места памяти», которые интерпретировали или использовали идею славянской взаимности в зависимости от приоритетов официальной идеологии. Под «местами памяти» русско-словацких связей в данном тексте подразумеваются материальные источники, артефакты и символы, которые отражают те периоды формирования словацкой нации, когда русско-словацкие контакты оказывали существенное влияние на формирование коллективной памяти словаков. В данном случае это не только памятники, материальные и литературные, торжества или дни скорби в честь исторических событий, но и артефакты, которые хранятся в архивах и музеях, ценность которых в меньшей степени подвержена политической конъюнктуре. Приведем несколько примеров таких «мест памяти», которые сохранились в архивах и музеях Словацкой республики.

Архивная Россия наиболее полно представлена в одном из центральных архивов Словакии – Литературном архиве Словацкой национальной библиотеки, который включает в себя и исторические фонды Матицы словацкой. Матица словацкая, Матица словацкая, созданная в период вхождения словацких земель в Венгерское королевство, создала целый комплекс коммеморативных практик, которые служили инструментом сохранения словацкой идентичности [4]. В этот, т. н. матичный период формирования словацкой идентичности русско-словацкие контакты нередко выступали важным аргументом в борьбе за национальную самостоятельность словаков. Особенно ярко это прозвучало в сочинении Л. Штура «Славянство и мир будущего». В архиве Матицы сохранились личные фонды непосредственных участников русско-словацких контактов. Это фонды автора теории славянской взаимности, известного словацкого ученого и поэта Я. Коллара, ученого и общественного деятеля Й. Шкультеты, классика словацкой литературы С. Г. Ваянского, кодификатора словацкого литературного языка Л. Штура; личного врача русского писателя Л. Н. Толстого Д. Маковицкого, словацких толстовцев А. Шкарвана и В. Кривоша. Так, Й. Шкультеты считал Россию опорой словаков, а функцию всеславянского языка, по его мнению, должен осуществлять русский язык. Эти взгляды были предметом обсуждения в его обширной переписке с корреспондентами из России. Среди эпистолярного наследия

Шкультеты в архиве хранятся письма русских ученых П. А. Кулаковского, А. С. Будиловича, А. И. Петрова, А. Сиротинина, В. И. Ламанского, Т. Д. Флоринского и других. В фонде Ваянского хранится его переписка с адресатами из России, путевые заметки о России, публицистика, а также переводы и литературная критика произведений русских писателей. В рукописном фонде Ваянского сохранились материалы о его поездках в Россию и отклики современников на публикацию путевых заметок. К редким артефактам архива относится яснополянский альбом Д. Маковицкого, где сохранились рисунки И. Репина, автографы членов семьи Л. Толстого.

Значительная часть матичного архива, сохранившего литературные контакты словацких и русских писателей, послужила основой для оформления музейной экспозиции для еще одного «места памяти» русско-словацких контактов, который нередко называли «русским островом» Словакии. Это музей имени А. С. Пушкина в местечке Бродзяны. Музей был открыт в 1979 году по инициативе кафедры русского языка и литературы философского факультета Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе и районного краеведческого музея в Топольчанах. По просьбе Министерства культуры Словацкой социалистической республики организационные работы взяла на себя Матица словацкая. Музей с первых дней установил контакты с музеями Пушкина в СССР. Создавался свой коллекционный фонд, приобретались редкие материалы и факсимиле из собраний Государственного музея А. С. Пушкина в Москве и Пушкинского дома в Ленинграде, проводилось много исследований по этому направлению [12]. К 190-й годовщине со дня рождения Пушкина и 10-летию музея в 1989 году была проведена реконструкция экспозиции, сохранившая первоначальную концепцию и включавшая четыре основных раздела: словацко-русские литературные связи, бродзянско-пушкинская традиция, жизнь и творчество А. С. Пушкина и связи Словакии с советской литературой в послеоктябрьский период. Все это соответствовало духу времени, но при этом сохраняло традиции культурных контактов России и Словакии. В настоящее время музей вошел в состав Национальной библиотеки СР и теперь называется Славянский музей имени А. С. Пушкина. Экспозиция литературных контактов демонтирована, основная экспозиция музея посвящена дворянскому быту XIX века. Судьба прежней экспозиции, представляющей русско-словацкие литературные контакты, а также историю переводов сочинений А. С. Пушкина на словацкий язык, в нынешней стратегии музея не упоминается. История «русского острова» характерна для судьбы «мест памяти», которые в основном имеют искусственное происхождение, они «изобретены или переназначены для того, чтобы служить национальному государству» [9, с. 62].

Среди многочисленных «мест памяти» социалистического этапа развития русско-словацких отношений особое место принадлежит мемориальному комплексу на востоке Словакии. Это Музей словацкого национального восстания в Банской Быстрице, основанный в 1955 году. Тема словацкого национального восстания и участия Словакии во Второй мировой войне в последние годы является одной из дискуссионных тем в словацкой историографии, в связи с чем возрастает значение документальных материалов музея [1; 3]. Обновленная в 2004 году музейная экспозиция представляет историю развития словацкого общества в период 1918-1948 с акцентом на антифашистское движение и судьбу словацких евреев. Особенно подробно музей документирует Словацкое национальное восстание, в нем хранится более 70 000 экспонатов и более 135 000 архивных предметов, а библиотека музея содержит более 20 000 документов. Музей Словацкого национального восстания - это не просто хранилище исторических артефактов и коллекций, это место, где ведется огромная научная работа по различным направлениям: систематизация фондов, электронная обработка экспонатов, построение современной экспозиции и интерпретация исторических фактов. В мемориальном комплексе расположен монумент советским воинам, на котором надпись - «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость Советского Союза и за возрождение Чехословацкой Республики». В отличие от некоторых постсоциалистических стран Европейского союза, где памятники советским воинам нередко оскверняются вандалами, в банско-быстрицком мемориале бережно хранят память о совместной антифашистской борьбе русских и словаков и ежегодно организуют дни памяти восстания. Необходимо отметить, что до последнего времени подобное отношение к «местам памяти» русско-словацких связей является характерным для всей Словакии.

1. Быстрички, Й. О вступлении Словацкой республики (1939–1945) в войну против СССР через три четверти столетия / Й. Быстрички // Запад-Восток. – 2017. – № 10. – С. 191–213.
2. Ведерников, М. В. Формирование национальной идентичности в современной Словакии / М. В. Ведерников // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – № 14 (1). – С. 94–125.
3. Заборовский, В. И. Освободительная миссия Красной армии в Европе и особенности освобождения Словакии / В. И. Заборовский, С. И. Горбунова // Россия и Словакия на общих перекрестках истории. – Банска Быстрица, 2016. – С. 232–241.
4. Кодайова, Д. Матица словацкая в памяти словаков / Д. Кодайова // Запад-Восток. – 2020. – № 13. – С. 38–55.
5. Миллер, А. И. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века / А. И. Миллер, М. Липман // Историческая политика в XXI веке. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.

6. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция – память. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17–65.
7. Рокина, Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории русско-словацких связей XIX века / Г. В. Рокина. – Казань, 2005. – 208 с.
8. Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки / сост. Е. А. Воронцова. – М. : Этерна, 2017. – 1000 с.
9. Сафронова, Ю. А. Историческая память. Введение / Ю. А. Сафронова. – СПб., 2019. – 220 с.
10. Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. – Санкт-Петербург, 2021.
11. Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе / сост. Е. А. Воронцова. – М. : ИНИОН РАН, 2017. – 318 с.
12. Sedlak, I. Literarne museum A. S. Puškina: Vzťahy Slovenska k ruskej a sovietskej literatúre / I. Sedlak. – Martin : Matica slovenska, 1979. – 178 s.

Shmatko O. N.

**THE HISTORY OF THE UNIVERSITY LIVES IN ITS MUSEUMS
(FOR EXAMPLE, THE MUSEUM OF THE HISTORY OF STAVROPOL STATE AGRARIAN UNIVERSITY)**

The History Museum of the Stavropol State Agrarian University is the guardian of the history and historical memory of the university. Here you can get acquainted with the cultural and historical heritage of the university applicants, students, and its guests. Employees come here to share interesting material or, on the contrary, to get the information they need. After all, the history of the agrarian university is not only the history of buildings, classrooms, academic buildings, it is, first of all, the history of the formation of the teaching staff, the development of scientific schools. That is why the museum of the history of the university is a unique place for storing the rich history of the university and its traditions, a place for introducing students to this priceless heritage.

The protection of historical and cultural values began more than 145 years ago, since 1875, when the Caucasian Diocesan Women's School was located in the current administrative building of the Stavropol State Agrarian University. The buildings themselves – the academic buildings – breathe history. Here, in a small space, all the stages of the university's formation are reflected – from the North Caucasus Zootechnical Institute of the early twentieth century to the present day.

The History Museum of the Stavropol State Agrarian University has more than 45 years of history. In 1975, the Museum of Military and Labor Glory was opened in the Stavropol Agricultural Institute. It was located in one room and had about 500 exhibits. Materials on the main stages of the university's development were presented here. Much attention was paid to military subjects, participants of the Great Patriotic War and the post-war restoration of the Institute. The first head of the museum was Colonel of the reserve V. N. Golovin, who tirelessly collected materials recreating the history of the university.

From the first days of its existence, the museum attracted the attention of students, teachers and guests of the institute, becoming a place of traditional meetings of graduates of different years, one of the centers for the education of student youth and retaining this status to the present day [1, p. 14–63].

In 1977, the museum was headed by a senior lecturer of the Department of History, a participant of the Great Patriotic War, lieutenant colonel of the reserve Yefim Severyanovich Shevchenko. He made a great contribution to the design of the museum and was a real enthusiast in the study of the history of our university. Yefim Severyanovich fought on the Leningrad front, was awarded two Orders of the Patriotic War, two Orders of the Red Star and 16 medals.

In 2002, at the initiative of the rector of SSAU, Professor V. I. Trukhachev, work began on the reorganization of the museum. An area of about 300 m² has been allocated for the exhibition hall and the storage facility. A new profile of the museum was also chosen – the history of the university.

A lot of time was now devoted to archival work to clarify the available materials and establish new facts, search expeditions were organized to the regions of the Stavropol Territory in order to meet with former employees of the university. The result of this work has significantly expanded the Museum's collection as the picking process involved all the teachers and staff SSAU, great assistance to veterans who contributed their personal belongings, photos, and documents from the family archive.

Veterans of the Great Patriotic War, home front workers, employees and students of the Agrarian University were invited to the opening of the new museum in 2004, dedicated to the Victory Day. The guests expressed their gratitude in the Book of Reviews to the rector V. I. Trukhachev for respect for the memory of past years and attention to the veterans of the Great Patriotic War and labor.

Currently, the museum hall has 30 display cases, where more than five thousand exhibits are presented. The main exposition of the University History Museum is built according to the chronological principle. It consists of three sections: «History of the University», «History of faculties» and «University today».

The museum exposition is based on the principles of comprehensibility and universality, i. e. it takes into account the peculiarities of perception and the interest of various groups of visitors, which determines its social value.